

более дешевыми. Тут мы делим работу так, что ни она, ни ее фрагмент не становятся менее ценными.

Кто покупатели «89 Seconds»?

А. А.: Мы рассчитывали, что это будут в основном криптолюди, далекие от мира искусства, но вышло не так. За крипту вообще купили только 20%, остальное за доллары. Для большинства покупателей это был просто эксперимент. И напротив, очень много было тех, кто следил за творчеством Ив, но не мог позволить себе купить ее работу, а теперь мог купить часть за \$120. На данный момент мы продали чуть более половины атомов, сейчас начнется второй этап с продажей частей, но уже по более высокой цене.

Какие еще проекты кроме «89 Seconds» были реализованы?

А. А.: Когда мы попали на Artsy, мы добавили второй проект с Томми Хартунгом. Это тоже видеоарт, премьера работы была на биеннале музея Уитни в 2014 году. Тут видео мы разделили на главы и сделали совсем другие цены — от \$1,5 тыс. до \$5 тыс. Цены назначал Томми, и это зависело не только от хронометража, но

— Миша Либман
и Андрей Алахин

ФОТО ИЗ ЛИБМАНОВСКОГО АРХИВА

и от ценности фрагмента по его мнению. Этот проект уже рассчитан не на любителей, а на коллекционеров. И интересно: самую дорогую главу купили буквально через пять минут от начала продаж.

Какова ваша бизнес-модель?

А. А.: Мы берем процент от продаж, сейчас он фиксирован на 30%.

Предыдущие подобные начинания по совладению искусством провалились.

Почему сейчас не провалятся?

А. А.: Сложный вопрос. Арт-рынок вообще очень сложный и непрозрачный, на него сложно заходить, мы стараемся зайти сверху, через именитых художников. Почему сейчас? Потому что появилась новая технология, дающая толчок развитию цифрового искусства. Потому что всегда был вопрос: в чем уникальность цифрового искусства? Оригинальность картины маслом понятна, а теперь есть возможность сделать и цифровой файл уникальным. Плюс ты можешь сделать работу программируемой. Например, можно купить работу сегодня, а возможность ее увидеть появится только через сто лет — и этот код никто не может поменять. Или мутирующие работы, самоуничтожающиеся — как хочет художник. У художника появляется новый инструментарий.

М. Л.: Есть и более практичные вещи: например, возможность зашить роялти для художника. Например, когда художники начинают продавать работы, они продают их дешево, а потом они могут стать знаменитыми и, соответственно, их произведения сильно вырастут в цене. Блокчейн дает возможность получать при каждой перепродаже процент, идущий автору. И это ограничивает передачу работы, обойти это нельзя.

Многие говорят, что в таких проектах не хватает эмоциональной связи с произведениями. Ведь это важный элемент коллекционирования?

А. А.: Мы эту проблему решаем при помощи, например, совместных просмотров видеоарта. Мы уже устраивали скрининг Ив Суссман в Нью-Йорке, владельцы атомов должны были согласиться их предоставить.

М. Л.: Скрининг перед нами поставил и новые вопросы: чем заменить отсутствующие фрагменты, мы же продали пока чуть более половины атомов. Были разные варианты — сделать их просто черными квадратами, отзеркалить проданные, превратить картинку в калейдоскопическую... Вообще момент показа интересен: например, не все владельцы согласятся дать свой фрагмент, но и не каждый художник захочет, чтобы его произведение показывали не целиком. Что делать? Рабочий вариант — решить, что 51% согласных — это решение большинства, и в таком случае скрининг всей работы будет проведен. И такой показ видеоарта может быть инициирован не только нами, мы хотим, чтобы в будущем его инициировали и пользователи. Например, вы хотите посмотреть видео дома, устроить показ для друзей — и у вас есть такая возможность.

Платно или бесплатно?

А. А.: Это пока вопрос. Мы думаем, на первых порах совладельцы будут предоставлять свои атомы бесплатно, ведь всем захочется посмотреть видео целиком, но увидим, как будет получаться. Есть некая стоимость показа,

связанная с транспортировкой видео, но мы как раз сейчас работаем над тем, чтобы сделать ее минимальной.

У вас есть еще и реализованный проект перформанса. Расскажите о нем.

А. А.: Мы задумались о применении технологии к перформансу. Ведь отныне режиссеру совсем необязательно быть знакомым с перформером, находиться в одном месте, можно поменять и способ принимать решения, влиять на действия перформеров... Потом мы реализовали перформанс по правилам блокчейн-протокола с художниками Джеком и Ли Руби в Нью-Йорке.

М. Л.: Мы меняли местами зрителя и перформера. Любой человек мог бесплатно получить блокчейн-токен, и те, кто его открывает, должны действовать по его условиям. Далее, они должны были прийти в определенное время в определенное место. Токен открывал им доступ к аудиоканалу, по которому они слышали речи, это были «речи великих лжецов» (Билл Клинтон, например, рассказывал о своей новой диете, а Крис Кристи — как есть M&M's). Инструкция была простой: участники должны были повторять незнакомым людям слово в слово то, что они слышат. А другие перформеры должны были подходить к таким объясняющим и говорить то же самое.

У нас было по 30 участников в субботу и воскресенье. Но художники не знали, кто участники. В парке в тот день были тысячи людей. Но при этом художники могли взять и всех участников отправить в очередь за кофе. Так что это было интересно и для перформеров, и для режиссеров — новый опыт. Следующим этапом может стать проведение параллельных перформансов в разных городах мира.

У вас была и идея другого вида участия в перформансе: владельцы токенов могли голосовать и влиять на выбор перформера, на его действия.

А. А.: Да, есть такая идея в разработке. Чтобы сообщество могло быть режиссером. И сейчас мы думаем над тем, чтобы перформеры могли сменять друг друга. Мы начнем с объявления проекта, продажи токенов, а потом, после запуска будем развивать идею.

У Марины Абрамович был перформанс, когда люди проявляли радикальную жестокость и выбирали взять лезвие и ее порезать. Вы не боитесь, что ваши режиссеры будут голосовать за что-то экстремальное? Можно не давать им такого сложного выбора, но и само действие не будет интересным, если режиссер сможет повлиять только на выбор цвета носков или кофейного напитка.

М. Л.: Мы пытались думать, как можно это контролировать, но пока мы вообще пытаемся экспериментировать с этим жанром и границы еще не установили. Я сам участвовал в перформансе в парке. Я интроверт, но после часа участия разговаривать с незнакомыми людьми становится легко и интересно. Этот аспект того, как меняется человек, очень интересен в этом проекте. В мае мы планируем повторить подобный опыт перформанса.

Работаете ли вы с музеями? Думали ли вы о том, что они могут стать выгодоприобретателями от подобных проектов? Например, пользователи могут перейти от совместного владения к совместному дарению — эдакому digital-меценатству?

А. А.: Пока мы с музеями особо не сотрудничаем, но мы общались с Уитни, потому что у них есть одна из копий «89 Seconds». Мы подарили им один атом нашей копии, и они забрали его к себе в кошелек.

М. Л.: Мы думаем о музеях и как о площадках для показа нашего видеоарта в идеальных условиях.

А. А.: Мы бы хотели, чтобы музей перестал быть единственным или главным хранилищем искусства, поэтому не уверен по поводу дарения музеям, но хорошей идеей было бы перманентное выставление работ в коллекции того или иного музея.

С какими художниками вы стремитесь работать? С теми, кто уже состоялся и знаменит, или с теми, кого называют cutting edge?

М. Л.: И с теми и с другими. Нам интереснее не художник, а сама работа. Это может быть видео, перформанс или, как сейчас в новом проекте, поэзия. Поэма будет поделена на куски, которые будут запечатаны в цифровые «печенья с предсказаниями». Купив такое, можно открыть его или нет. И как мы предполагаем, сначала все будут открывать строки, но со временем цена неоткрытых будет расти, и парадигма начнет меняться — у нераспечатанных фрагментов появится спекулятивная ценность. И тут возникнет новый вопрос: какова ценность поэзии? Чем ты больше захочешь обладать — открыть строку поэмы или не знать содержание, оставив то, что имеет материальную ценность?

Понятно, что я могу купить атом видео за \$120, а потом он будет стоить \$200, ну или \$2 тыс. Но это развлечение, а не инвестиция. Есть ли место реальным вложениям денег — так, чтобы вложить миллион и получить два?

А. А.: У меня недавно была встреча с инвестиционным банкиром, который сказал — из-за того, что вы делаете, рынок искусства может вырасти в два-три раза. И в том числе благодаря вторичному рынку и появлению дополнительной ликвидности. Цены на такое искусство, соответственно, тоже будут расти. Дальше увидим. Венчурные инвесторы Марк Андриссен и Бен Хоровиц недавно приводили такой пример: когда появились смартфоны, люди пытались редактировать в них Excel-таблицы и думали: как неудобно и зачем это нужно? А потом появились приложения, которые созданы специально для смартфонов, и стало понятно, зачем все это нужно. Так и с искусством: появился блокчейн как технология, у искусства в нем огромный потенциал, но вопрос в том, как быстро он раскроется.

М. Л.: Потенциал и в том, о чем мы уже говорили, и в возможности свидетельствовать подлинность произведения искусства. И совершенно новый инструментарий для художника.

А. А.: Блокчейн — это прежде всего сообщество. Впервые покупатель искусства может так влиять на его создание, на его последующую жизнь.

Беседовала Анна Минакова